

Кириллов Герман Михайлович

доктор философских наук, доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»
Пензенского государственного университета

МЕХАНИЗМЫ ИНВЕРСИИ И МЕДИАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Аннотация:

Констатируемая рядом исследователей культуры незавершенность проекта «модерн» (Ю. Хабермас, А. Гелен) делает проблематичным определение координат нынешнего этапа культурно-исторического развития. По мнению автора, это позволяет говорить об актуальности критики постмодерна, а значит, и о новой трактовке механизмов инверсии и медиации (в свете критически переработанной концепции А.С. Ахиезера), претерпевших за последнее время значительные изменения. Автор ставит перед собой задачу выявления аксиологических оснований модерна (на примере его восходящей стадии преמודерна), сопоставляя их с традициями классической эпохи (в трактовке Аристотеля). При этом автор методологически опирается на недualную перспективу видения истории культуры Дж. Вико, а также «новую онтологию» М. Мерло-Понти. Сделан вывод, что поиск новых аксиологических перспектив предполагает диалог с прошлым, прерванный в период модерна с его гипермедиацией, при котором медиатором становится техника.

Ключевые слова:

инверсия, медиация, метафора, модерн, преמודерн, постмодерн, диалогизм, архаизация, гипермедиация, информационная эпоха, социальная дезорганизация, модернизация, экзистенциальное поле.

Kirillov German Mikhailovich

D.Phil. in Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Social
Communications, Penza State University

INVERSION AND MEDIATION MECHANISMS IN THE INFORMATION AGE

Summary:

Incompleteness of the project "modern" stated by a number of cultural researchers (Y. Habermas, A. Gehlen) makes it problematic to determine the coordinates of the current stage of cultural and historical development. According to the author, this suggests the relevance of postmodern criticism, and hence a new interpretation of the mechanisms of inversion and mediation (in the light of the critically revised concept of Akhiezer), which have undergone significant changes in recent years. The author sets himself the task of identifying the axiological foundations of modern (on the example of its ascending stage of premodern), comparing them with the traditions of the classical era (in the interpretation of Aristotle). At the same time, the author methodologically relies on the non-dual perspective of the vision of the history of culture of J. Vico, and the "new ontology" by M. Merleau-Ponty. The author comes to the conclusion that the search for new axiological perspectives involves a dialogue with the past, which was interrupted in the period of modernity with its hypermediation, in which the mediator is the technique.

Keywords:

inversion, mediation, metaphor, modern, premodern, postmodernism, dialogueism, archaization, hypermediation, information age, social disorganization, modernization, existential field.

Ю. Хабермас в исследованиях говорит о незавершенном проекте модерна, который, по его мнению, может быть реализован при определенных условиях. Почему идеалам эпохи Просвещения так и не суждено было воплотиться в реальность? Мы, люди XXI века, не можем не задаваться этим вопросом. Если не царство разума, то что нас ждет впереди? Необходимо разобраться в происходящих переменах. К XX столетию в массовом сознании начинает преобладать рациональная картина мира, которая приходит на смену религиозно-мифологическому представлению о действительности. Изменились не только познавательная компонента картины мира, но и ее ценностная сторона, а затем – как следствие – эмоционально-волевая. С утратой нравственных ориентиров люди теряют важнейшие личностные характеристики, такие как воля, энтузиазм, оптимизм. Культурная «топика» нашего дня тоже способна ввергнуть в уныние: «экзистенциальный вакуум» (В. Франкл (1959)), «смерть субъекта» (Р. Барт, «Смерть автора» (1968)), «смерть социального» (Ж. Бодрийяр (1982)), «конец истории» (Ф. Фукуяма (1989)), «пустой знак» (Р. Барт (1968)). Согласно оценке М. Вебера, происходит трансформация нашего сознания: вместо ценностно-рационального оно становится целерациональным. Замена традиционных ценностей идеологиями в минувшем столетии также в конце концов потерпела крах. Под угрозой оказался и просветительский проект. Ведь сама доктрина модернизации «разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма» [1, с. 8]. Ю. Хабермас в «Философском дискурсе о модерне» сетует, что перед лицом «эволюционно саморазвивающейся, обособившейся модернизации» наблюдатели от философии могут теперь отринуть мир западного рационализма, считая его абстрактным и отвлеченным [2, с. 9].

В свою очередь, А. Гелен отмечает, что предпосылки просвещения оказались мертвы, «продолжают действовать только его последствия» [3, с. 9]. Эти предпосылки известны: разум и

прогресс. Однако способны ли они реанимировать нереализованный проект? Данный вопрос остается актуальным и требует ответа. Для этого обратимся к теории Дж. Вико, итальянского философа XVIII в., основоположника философии истории, культурологии и этнической психологии, жившего в эпоху преמודерна, и попытаемся сопоставить его взгляды на прошлое и будущее европейской культуры с критикой модерна Ю. Хабермаса. Дж. Вико – фигура порубежная. Он жил в эпоху барокко, эпоху между Ренессансом и периодом становления модерна. В этом его уникальность. Вероятно, и нынешний этап развития – постмодерн – нуждается в критике, чтобы обрести продолжение. Исторический мир, по мнению Дж. Вико, был создан человеческими существами и по мерке человека, потому люди «могут, поскольку должны, найти его начала в превращениях самого разума человеческого» [4, с. 96].

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить аксиологические основания эпохи модерна, сопоставить их с ценностями классической эпохи для определения социально-культурных истоков постмодерна. Достижению цели будет способствовать решение следующих задач: сопоставить критику модерна, предложенную Ю. Хабермасом, и его сегодняшний этап, т. е. эпоху постмодерна, а также период его восходящего развития («премодерна») – время жизни Дж. Вико; изучить механизмы трансляции смыслов на различных стадиях становления культуры модерна. В статье в рамках социально-философского анализа рассматривается философия модерна и постмодерна как новый тип философствования.

Анализируя механизмы медиации эпохи Просвещения, мы обращались к работам таких отечественных и зарубежных исследователей, как М.М. Бахтин, Дж. Вико, А.Я. Гуревич, А.С. Ахиезер, В.С. Библер, Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр, М. Мерло-Понти, Т.Г. Щедрина и др.

В философии всегда остается поле осмысления социального мира, которое еще не освоено и требует изучения и актуализации. В данной статье мы пытаемся соотнести тягу людей к прогрессу с угрозой человеческой идентичности в контексте развития техники и виртуальности в условиях постмодернистского мира: рассмотреть технологический прогресс и проблему гуманизации общества в рамках проекта Ренессанса.

В работе использован метод философской реконструкции применительно к наследию Ю. Хабермаса, касающемуся незавершенного проекта модерна. В качестве теоретической базы задействованы методы феноменолого-экзистенциалистского направления. При этом эффективным исследовательским инструментарием избран понятийно-категориальный аппарат классической философии, поскольку именно он позволяет эксплицировать невостребованный потенциал гуманизма преמודерна.

Модерн в противовес традиционалистским эпохам устремлен в будущее, а значит, сопряжен с перманентными реструктуризациями и инновациями. Видимо, отсутствие связей между нынешним этапом модерна и его историческим контекстом, истоками и предпосылками, приведшими к ситуации постмодерна с ее неизбежными издержками, каким-то образом связано с изменением в характере трансляции ценностей и смыслов, передаваемых от одного поколения к другому. Критически представляя концепцию А.С. Ахиезера как диалог с архаикой, остановимся на выборе одного из противоположных полюсов культуры: инверсии и медиации. Последняя, являющаяся механизмом смыслообразования, носит инновационный характер и рассматривается как пространство между полюсами культур. Эти процессы предстают как взаимобратимые, погруженные в общее экзистенциальное поле «дикого бытия», придающее этим полюсам целостное пространство.

Обратимся к концепции диалога культур А.С. Ахиезера, который выделял два вида механизмов трансляции смыслов: инверсию и медиацию. Инверсия [5] нацелена на воспроизведение ранее накопленных смыслов (в русле дуальной оппозиции и бинарной логики). Медиация направлена на поиск новых смыслов (в рамках тренарной логики [6] и срединной культуры). При этом предпочтение в концепции А.С. Ахиезера отдается медиации. По мнению философа, особую опасность представляет антимедиация (архаизация) как процесс, направленный против трансляции новых смыслов. А.С. Ахиезер полагал, что столкновение архаизации и прогресса, происходящее между культурными ценностями, заслуживает особого внимания, поскольку эти механизмы ориентированы на статику и динамику культуры в целом. В этой ситуации радикальным средством против социальной дезорганизации может стать развитие диалогизации, представляющей собой систему отношений «мы – они», которая интерпретируется как диалог равноправных субъектов, нацеленный на синтез смыслов [7]. Здесь А.С. Ахиезер во многом следует отечественной традиции философии диалога М.М. Бахтина: «Добиваться диалогизации можно и путем формирования соответствующих институтов, развивая в расколотых элементах общества способность к принятию общих решений. Недостаточная развитость диалога создает условия для господства архаичной культуры» [8, с. 97]. К сожалению, в концепции А.С. Ахиезера не уделяется должного внимания вопросу о диалектической связи между процессами медиации и инверсии. Философ не дает рекомендаций, касающихся решения проблем реальности, а лишь рассуждает о настроении, «духе», с которым

будет осуществляться их решение. Мыслитель ведет речь о «духе философа» (имея в виду В.С. Библера, своего предшественника и ученика М.М. Бахтина) в его отношении с «духом... общества» [9]. В свою очередь, в размышлениях о полифонии логик В.С. Библер использует выражение «субъект-челнок», который «мысленно снует между полюсами двойственности» [10, с. 147]. Термин «речевой челнок» обозначает у В.С. Библера перемещение в пространстве смысла. В чем причины подобной двойственности? Человеческий интеллект двухфокусен, ориентирован одновременно на целостность и аналитическое разделение. Характерно, что, говоря об общении логических умов, В.С. Библер недооценивает тот факт, что сами «умы» не способны общаться в пустоте, вне времени и пространства они существовать не могут, для такого общения нужна среда, необходим третий термин, этого требует и тренарная логика, которой был привержен А.С. Ахиезер.

Вновь решению этой проблемы будет способствовать методологический опыт Дж. Вико, по мнению которого «порядок идей должен следовать порядку учреждений». (Если А.С. Ахиезера считали отцом отечественной культурологии, то Дж. Вико можно считать таковым для культурологии в целом.) Следует отметить, что Дж. Вико, будучи преподавателем риторики, в работах опирался на античную традицию, в частности на «Топику» Аристотеля и его исследования в области культуры. Центральное место в логике и риторике занимает инвенция [11]. Аристотелевская инвенция сильно отличалась от современных представлений о ней. Для Аристотеля было важно, чтобы она осуществлялась на уровне не только текста, но и реальности, где она выступает как преобразование, благодаря которому речь приобретает убедительность, поскольку опробуется на публике. При помощи инвенции общепринятые положения, если они вызывают сомнения, могут быть проверены и преобразованы. Выявляя специфику диалектического умозаключения, Аристотель подчеркивал в начале «Топики», что умозаключение представляет собой «речь, в которой если нечто предположено, то через положенное на него с необходимостью вытекает нечто, отличное от положенного», т. е. движение вперед должно диктоваться не только настоящим и будущим, но и прошлым [12, с. 349].

Можно сказать, что Дж. Вико перенес идею Аристотеля в сферу культуры, как отмечал он сам, в «жизнь наций» [13]. По-новому определив «Топику» как искусство инвенции, т. е. нахождения материала в риторическом понимании этого термина, философ толкует топику как искусство изобретения в буквальном понимании этого слова. Очень близко к такой трактовке предмета произведение Дж. Вико «Новая наука» – повествование о науке как серии изобретений, которые сделаны самими народами, о том, как снова и снова инвенция проявилась в том, что осталось в далеком прошлом, т. е. гораздо раньше, чем это можно было себе представить, иными словами, в самовоспроизводстве («автопоэзисе») человечества. Дж. Вико показывает, как в истории, а также в размышлениях о ней мы, стремясь одновременно двигаться вперед, на самом деле оглядываемся назад. Но всегда ли это плохо? Как совершенно справедливо отмечает Т.Г. Щедрина, желание «увидеть современную реальность... заставляет осмысливать свое поведение и происходящее вокруг так, чтобы увидеть будущее как настоящее» [14]. В равной степени понимание настоящего невозможно без осмысления опыта прошлого. Почти о том же в свете опыта осмысления истории пишет Дж. Вико, отмечая, что прошлое всегда вплетено в ткань настоящего. Рефлексивный момент самоосмысления обусловлен новым пониманием историзма. В свою очередь, инвенция тесно связана с объемом нашей памяти. Вот как Дж. Вико писал об этом: «Нужно различать следующие три вида <ума>: память, поскольку она сохраняет вещи, фантазию, поскольку она изменяет вещи и подражает им, ум <изобретение>, поскольку он переворачивает их и располагает в некотором соответствии и порядке» [15, с. 357]. Для Дж. Вико инвенция – это «движение вперед при постоянной оглядке назад», что является не непрерывной прогрессией, а серией реверсий [16]. Если просто двигаться вперед, можно остаться там, где мы есть. Только исправление того, о чем мы забыли, позволяет присутствию прошлого овладеть нами, для того чтобы мы начали двигаться вперед непредсказуемым для нас самих образом.

Кроме оригинального прочтения «Топики», у Дж. Вико можно найти не менее своеобразную тропологию («чувственную топику»), с помощью которой он толкует мышление первобытных народов. Важнейшим из тропов для него является метафора. Причем источником всех переносных смыслов у философа оказываются человеческое тело и язык жестов, способствующие осуществлению общения с природой и богами. Этот факт дает всеобщее основание для этимологии всех языков, поскольку «в них значения слов взяты из тел и телесных свойств и перенесены на предметы ума и души» [17, с. 154]. Древнейший язык – язык богов, иероглифический – был немой, и только поэтическая метафизика древних заставила этот немой мир заговорить. Немые вещи, камни «заговорили» благодаря метафоре, которой мыслитель уделяет большое внимание в «Новой науке».

Если изначально передача смыслов происходила естественным образом (через общение), т. е. тело было посредником между сознанием и плотью мира (в терминах М. Мерло-Понти), то теперь медиатором становится техника. Взаимодействие при помощи медиа, опосредованного

«технэ», способно обезличивать не только среду, но и самого субъекта. В результате изначальная диалогичность, присущая человеческому общению, оказывается под угрозой. Передача ценностей в информационную эпоху приобретает однонаправленный и дигитальный характер. Затруднительным оказывается процесс инвенции, которую мы склонны понимать не столько логически, сколько культурологически, т. е. в качестве изобретательского процесса культурной инновации, порождающего экзистенциальное поле новых медиационных смыслов. Тотальное господство информатизации привело к жесткому контролю со стороны технологий и сопутствующего им сциентистского дискурса, для которого характерна тенденция однозначно трактовать те или иные явления, события, исключая многомыслие, эмоциональную составляющую, иррациональность. Подобный язык не способен к метафоре, переносу значений, он рассчитан на инверсионное воспроизведение. Таким образом, модернизация оборачивается стагнацией, не предполагая продвижения вперед. Все ценности, смыслы в соответствии с новой реальностью должны переводиться на язык машин. Чтобы сохранить те или иные смыслы, их нужно оцифровать, сделать транзитивными. Стремительное развитие науки и техники, с одной стороны, облегчает жизнь людей, содействует созиданию, с другой – таит в себе серьезные угрозы. Например, прогресс информационных технологий и общественных наук создает предпосылки для преднамеренного воздействия на сознание целых народов и изменения их менталитета, что может угрожать социокультурным устоям их бытия. Ряд современных исследователей обращает внимание на тот факт, что техника сегодня уже обладает возможностью трансформировать скопический режим человека, а значит, и его субъективность и идентичность. Становится очевидной способность медиа погружать «зрителя»-коммуниканта в невидимое пространство гиперреальности [18].

В продолжение темы обратимся к концепции Ж. Делеза – Дж. Элкинса, в свете которой кожа становится естественным разделителем пространства «снаружи» и «внутри» [19, с. 170]. Метафора кожи характеризует новый способ общения с медиумом. Кожа в этом случае сама становится экраном. Человек стремится к тому, чтобы его контакт с медиумом материализовался. Исследователи хотят подчеркнуть, что человека уже не удовлетворяет ситуация общения с объектом, который нельзя осязать, «потрогать». Неслучайно в последние годы повсеместно задеируется 3D-моделирование – процесс создания трехмерной модели объекта, назначение которого состоит в разработке визуального объемного образа желаемого объекта. Не за горами время, когда 3D-объекты будут способны источать тот или иной аромат. Эта тенденция особенно очевидно проявляется в кинематографе и визуальном интернет-пространстве. Доминирование поверхности над глубиной, внешней оболочки над внутренним содержанием – характерная черта современной западной культуры, формируемой ею новой картины мира. Новая субъективность – это субъективность медиума, а не самих участников коммуникации. Мерой всех вещей оказывается теперь медиум, а не человек.

Возникают два новых способа работы медиа: иммедиа и гипермедиа. Для первого характерно превращение видимого посредника в невидимое, так осуществляется «прозрачная» передача опыта, вследствие чего возникает феномен иммерсивности, т. е. погружение культурного субъекта в медиареальности и его окончательное слияние с медиа. При втором задеируются ресурсы других медиа, в результате увеличивается количество каналов взаимодействия. Гипермедиа [20] в русле критической переработки концепции А.С. Ахиезера, на наш взгляд, может рассматриваться как сдвиг в сторону одного из полюсов, т. е. преобладание медиации за счет уменьшения инверсии. В итоге происходят разрыв с традицией и утрата преемственности. Оба метода предполагают увеличение иммерсивности. По нашему мнению, гипермедиа – подходящий термин для того, чтобы обозначить трансляцию смыслов в информационном обществе в целом. Ж. Бодрийяр охарактеризовал этот процесс как «экстаз коммуникации» [21]. Утраченную субъективность человек желает перенести на технику, все более погружающую его в виртуальный мир. Медиум, прежде бывший на службе человека, сегодня все более начинает приобретать антропоморфные черты. Данный процесс находит отражение в кинематографе, например в сериале «Лучше, чем люди» (режиссер А. Джунковский). Авторы хотели показать, что, с одной стороны, андроиды способны помогать человеку по хозяйству, работать на опасных производствах, выполнять разнообразную работу по дому, ухаживать за детьми, с другой – они лишены эмпатии, порой опасны и даже способны на уничтожение людей. Так, современный виртуальный помощник Ариса наделена приятной внешностью, человеческим голосом, в ней присутствует эмоциональная составляющая, она вполне может поддерживать формальный диалог. В то же время становится очевидным, что стремительное развитие технологий, в том числе роботизации, может привести к восстанию искусственного разума, направленному против человека. В анализируемом произведении подростки ведут борьбу с робототехникой – «ботами». Авторы показывают, что в обществе зреет протест против прогресса, выразителем которого становится группа «ликвидаторов», готовых ради запрета роботов не только уничтожить андроидов, но и пойти на

человеческие жертвы. Зритель встает перед дилеммой: правы те, кто создает роботов, или те, кто их уничтожает? Авторы не заявляют о своей позиции, предлагая зрителям подумать над значением прогресса в нашей жизни.

Сложившаяся в настоящее время антропогенная цивилизация, носителем которой оказывается новый человек, не обремененный какой-либо традицией, порождает новые цели и принципы бытия. Она потребовала решения назревших проблем общественного развития на основе антропологического детерминизма, а также разработки гуманизма нового типа.

Вопрос о том, как компьютеризация, мобильная связь, трехмерная печать, использование имплантатов, интернет меняют не только окружающий нас мир, но и самого человека, обсуждался на ток-шоу «Время покажет» 5 сентября 2019 г. Участники рассуждали о том, что сегодня предметом научных экспериментов стал сам человек. Люди вживляют под кожу чипы, применяют для омолаживания стволовые клетки, рассчитывая, что в будущем они позволят им жить не одну сотню лет, размышляют о геномной модификации человека. По мнению некоторых гостей телепередачи, создание сверхчеловека – почти реальность. Но каким он будет? Что будет с теми, у кого не хватит денег, чтобы войти в когорту избранных? Серьезность проблемы осознается и теоретиками постмодернизма, которые заговорили о смерти субъекта. Думается, что настоящее исследование будет способствовать преодолению издержек, возникающих в процессе медиатизации, в частности проблем при взаимодействии субъекта с окружающей действительностью, которая включает в себя следующие составляющие: самого субъекта, окружающую среду (экзистенциальное поле, где происходят встреча и взаимопротекание старых и новых смыслов) и взаимодействие между ними.

Таким образом, несмотря на то что модернизация несет с собой не только положительные моменты, но и отрицательные последствия, нужно согласиться с Ю. Хабермасом в том, что сегодня остановить прогресс невозможно. Мы просто обречены на него. Каким будет его содержание? Сохранится ли в нем гуманистическая составляющая? Кто выступит ее инициатором? Человечесоразмерность прогресса предполагает, на наш взгляд, возвращение к прошлому. Имеется в виду диалог с прошлым, например с Античностью (с ее агональным, творческим, инновационным потенциалом) и Средневековьем (с накопленными духовными богатствами) как носителями истоков человеческой культуры. Полагаем, что успех проекта «Просвещение» зависит от того, может ли окружающий нас технический мир стать гуманным. Ведь эпохе научных революций и Просвещению предшествовал Ренессанс. Считаем, что проект модерна продолжает формироваться. Неслучайно Ю. Хабермас утверждает, что истинные ценности модерна хранятся в пространстве и продолжают развиваться в виде текстов. Традиции, сформировавшиеся в разные периоды, не прерываются, современным поколениям важно их развивать. Модерн в настоящее время, безусловно, нуждается в программе, включающей в себя как новые дискурсы, так и старые. В противном случае он уступит место пост- и трансгуманизму.

Ссылки и примечания:

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне: двенадцать лекций : пер. с нем. М., 2008. 415 с.
2. Там же. С. 9.
3. Там же.
4. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций : пер. с итал. Киев, 1994. 656 с.
5. В концепции А.П. Давыдова: инверсия – это нетворческий, традиционный способ мышления, когда мысль не знает других смыслов, кроме тех, исторически сложившихся, статичных, которые сконцентрированы на полюсах оппозиции, природняется (партиципируется) то к одному из ее полюсов, то к другому по логике «либо – либо», выдавая старое за новое.
6. Тренарная (или троичная) логика – один из видов многозначной логики, предложенный Я. Лукасевичем в 1920 г. В ней используются три истинностных значения: –1 – истина, 0 – неизвестно, 1 – ложь.
7. Социокультурная методология анализа российского общества [Электронный ресурс] : материалы независимого теоретического семинара / А.С. Ахиезер, Г.А. Гольц, А.П. Давыдов, И.В. Кондаков, Е.В. Туркатенко, И.А. Яковенко, Е. Яркова [и др.]. Семинар № 10 от 25 апр. 1997 г. // Refdb.ru. URL: <https://refdb.ru/look/1831788-pall.html> (дата обращения: 11.11.2019).
8. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
9. Ахиезер А.С. Философия катастрофического мира. К выходу в свет двухтомника В.С. Библера // Полития. 2003. № 3. С. 190–201. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2003-30-3-190-201>.
10. Библер В.С. Замыслы. В 2 кн. М., 2002. Кн. 1. 878 с.
11. Инвенция (от лат. Inventio – 'изобретение') – понятие, согласно которому принятие определенных суждений, выражающих то или иное решение эмпирических проблем в рамках научных теорий, вытекает из ранее принятых терминологических соглашений.
12. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М., 1978. 687 с.
13. Runia E. Inventing the New from the Old – from White's 'Tropics' to Vico 'Topics' Rethinking History // Rethinking History. 2010. Vol. 14, no. 2. P. 229–241. <https://doi.org/10.1080/13642521003710763>.
14. Щедрина Т.Г. Проблема понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.

15. Вико Дж. Указ. соч. С. 357.
16. Там же.
17. Там же. С. 154.
18. Юрийчук Д.В. Ткань кинематографического: функции экранных поверхностей в современной визуальной культуре [Электронный ресурс] : доклад // Факультет коммуникаций, медиа и дизайна высшей школы экономики. URL: [https://cmd.hse.ru/data/2018/12/29/1143060170/Юрийчук Д.В. тезисы доклада_.pdf](https://cmd.hse.ru/data/2018/12/29/1143060170/Юрийчук_Д.В._тезисы_доклада_.pdf) (дата обращения: 11.11.2019).
19. Элкин Дж. Исследуя визуальный мир. Вильнюс, 2010. 534 с.
20. Множество окон и вкладок, которые мы открываем, когда используем интернет (Bolter J.D., Grusin R. Remediation: Understanding New Media. Cambridge, 1999. 295 p.).
21. Baudrillard W. Ecstasy of Communication // *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture* / ed. by H. Foster. Port Townsend, 1983. P. 126–130.

References:

- Akhiezer, AS 2001, 'Archaization in Russian Society as a Methodological Problem'. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 89-100, (in Russian).
- Akhiezer, AS 2003, 'Philosophy of the Catastrophic World. To the Publication of the Two-volume of V.S. Bibler, *Politia*, no. 3, pp. 190-201, (in Russian).
- Akhiezer, AS, Goltz, GA, Davydov, AP, Kondakov, IV, Turkatenko, EV, Yakovenko, IA & Yarkova, E (et al.) 1997, *Sociocultural Methodology of the Analysis of Russian Society. Independent Theoretical Seminar*, Moscow, viewed 11 November 2019, <<https://refdb.ru/look/1831788-pall.html>>, (in Russian).
- Aristotle, 1978, *Works in 4 volumes*, Moscow, vol. 2, 687 p., (in Russian).
- Baudrillard, W 1983, 'Ecstasy of Communication', in H Foster (ed.), *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture*, Port Townsend, pp. 126-130.
- Bibler, VS 2002, *Plans. In 2 Volumes*, Moscow, vol. 1, 878 p., (in Russian).
- Elkins, JG 2010, *Exploring the Visual World*, Vilnius, 534 p., (in Russian).
- Habermas, J 2008, *The Philosophical Discourse of Modernity*, Moscow, 415 p., (in Russian).
- Runia, E 2010, 'Inventing the New from the Old – from White's 'Tropics' to Vico 'Topics' Rethinking History', *Rethinking History*, vol. 14, no. 2, pp. 229-241, <https://doi.org/10.1080/13642521003710763>.
- Shchedrina, TG 2018, 'The Problem of Understanding Historical Reality (Methodological Experience of Gustav Speth)', *Voprosi filosofii*, no. 12, pp. 90-93, (in Russian).
- Vico, J 1994, *Foundations of a New Science about the Common Nature of Nations*, Kiev; Moscow, 656 p., (in Russian).
- Yuriyчук, DV, 'The Fabric of Cinematic: Functions of Screen Surfaces in Modern Visual Culture', *Fakultet komunikacij, media i dizajna vysshej shkoly ekonomiki*, viewed 11 November 2019, <https://cmd.hse.ru/data/2018/12/29/1143060170/Юрийчук%20Д.В.%20тезисы%20доклада_.pdf>, (in Russian).

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Ездина София Александровна